капиталистическаго способа производства, который вытекалъ изъ экономическихъ результатовъ самого этого способа производства,— на томъ разрушительномъ стихійномъ базисѣ *чисто экономическаго происхожденія*, который зарождался въ самомъ процессѣ капиталистическаго развитія и вынашивался буржуазнымъ обществомъ въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ. Такимъ образомъ, въ этой первоначальной теоріи научнаго соціализма, въ самыхъ свойствахъ крупнаго капиталистическаго производства уже оказывался источникъ не только его дальнѣйшаго развитія, но и его неминуемой экономической гибели. Такимъ неизбѣжнымъ источникомъ самоотрицанія и саморазрушенія капиталистическаго способа производства являлись въ Коммунистическомъ Манифестѣ, какъ извѣстно, все возрастающіе промышленные кризисы, которые должны были вызвать въ буржуазномъ обществѣ все усиливающіеся экономическія потрясенія, сопровождающіяся настоящими общественными катастрофами:

„...Современное буржуазное общество — читаемъ мы въ Коммунистическомъ Манифестѣ,— какъ бы волшебствомъ создавшее столь могучія средства производства и обращенія, походитъ на волшебника, не могущаго совладать съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ жизненныхъ условій буржуазіи и ея господства. Достаточно назвать торговые кризисы, которые въ своемъ періодическомъ возвращеніи *все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества* (курсивъ нашъ)... Общество оказывается неожиданно возвращеннымъ въ состояніе мгновеннаго варварства: кажется, что голодъ, всеобщая истребительная война лишила его всѣхъ жизненныхъ средствъ; кажется, что промышленность и торговля уничтожены...“ и т. д.[1]).

Вотъ, слѣдовательно, какая важная дополнительная идея вытекалась первыми теоретиками научнаго соціализма, въ прямой связи съ идеей о подготовленіи условій соціалистическаго переворота путемъ развитія капиталистическаго способа производства. Дѣло шло здѣсь уже не объ одномъ только соціалистическомъ движеніи, но также и о все болѣе и болѣе усиливавшихся экономическихъ кризисахъ, которые угрожали самому существованію буржуазнаго общества, о пересиливѣ повторявшихся все въ большихъ и большихъ размѣрахъ общественныхъ катастрофахъ, сопровождавшихся уничтоженіемъ „массы производительныхъ силъ“ и въ корнѣ подрывавшихъ прочность самой буржуазной собственности.

Такимъ образомъ, согласно этой первоначальной концепціи, надъ буржуазнымъ обществомъ, помимо роста соціалистическаго движенія, тяготѣла еще разрушительная стихійная сила самого экономическаго процесса; и вотъ эта-то именно стихійная разрушительная сила и создавала для него совершенно невозможное по своей неустойчивости и необезпеченности положеніе, ибо періодическое возвращеніе бѣдствій, напоминающихъ потребительныя войны, уничтожающихъ массу производительныхъ силъ, и — что всего важнѣе — *постоянно и неизбѣжно возрастающихъ* вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ основъ даннаго общественнаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могло быть совмѣстимо съ прочностью и устойчивостью его существованія. Что же касается *пролетаріата*, то онъ, какъ извѣстно, выступалъ въ этомъ, по существу своему, чисто экономическомъ разрушительномъ процессѣ лишь въ роли „могильщиковъ“ буржуазнаго общества, уже осужденнаго на гибель самыми условіями капиталистическаго способа производства; пролетарій должны были лишь „направить“ на буржуазію то смертоносное оружіе, которое она „сама выковывала для себя“ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ росло ея экономическое могущество; оружіе же это заключалось, по словамъ Ком. Манифеста, въ томъ, что сама буржуазія „подготовляла все болѣе всесторонніе и сильные кризисы и въ то же время уменьшала средства для предупрежденія ихъ“.

Такимъ образомъ, по идеѣ Ком. Манифеста, развитіе капиталистическаго способа производства не только не должно было сопровождаться непрерывнымъ возрастаніемъ могущества и прочнаго благосостоянія буржуазнаго класса, но, напротивъ того, это могущество и прочность этого благосостоянія должны были все болѣе и болѣе ослабевать вмѣстѣ съ ростомъ капитализма; буржуазія сама должна была оказаться жертвой вызванныхъ ею экономическихъ силъ, съ которыми она не была въ состояніи справиться. Подобно тому, какъ французскій абсолютизмъ дореволюціонной эпохи, все подчинившій своей основной идеѣ бюрократическаго самовластія, погибъ, вслѣдствіе своего собственнаго неумѣреннаго роста, капиталистическій строй долженъ былъ также погибнуть,

[1]) Переводъ Иссе, стран. 20—21.